

С 595 Самарк
П 15

с 595 Самарк
П 15

П

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА
САМАРКАНДСКОЙ
ОБЛАСТИ.
1897

Изданіе Самаркандскаго областного Статистиче-
скаго Комитета.

Подъ редакціей И. д. Секретаря Комитета

М. Вирскаго.

ВЫПУСКЪ V.

САМАРКАНДЪ.

Типографія Самаркандскаго областного Правленія.

1897.

44816
Ср.

САМАРКАНДСКІЯ ЛЕГЕНДЫ*).

Еврейскій мудрецъ.

Одинъ еврей, много наслышанный о Самаркандѣ, пришелъ сюда со стороны Китая. Долго онъ удивлялся, осматривая прекрасный, веселый городъ, подобнаго которому, можно сказать, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Увидѣвъ многоводную рѣку (Кухакъ*), онъ задумался о томъ—куда течетъ такъ много воды? Обратившись съ этимъ вопросомъ къ одному человѣку, онъ получилъ въ отвѣтъ, что Кухакъ несетъ всю свою воду въ Бухару. Тогда еврей подумалъ, что Бухара, куда течетъ такая громадная рѣка, несомнѣнно, большой городъ. У него явилось желаніе увидѣть Бухару. Однажды, гуляя по Бухарѣ и любуясь городомъ, этотъ еврей увидѣлъ на базарѣ, въ ряду золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ мастеровъ, одного мастера, отливавшаго изъ золота двухъ сернъ и изъ серебра зайца. „Для кого дѣлаются эти серны и заяцъ?“ спросилъ еврей. Ему объяснили, что это предназначается самаркандскому государю, которому уже много лѣтъ ежегодно и отсылаются вмѣстѣ со многими тысячами другихъ разныхъ вещей, для того чтобы задобрить его и почтить, такъ какъ онъ не задерживаетъ воду рѣки Кухака, а позволяетъ ей течь въ бухарскіе города. Услышавъ это, еврей сталъ говорить: „глупые вы люди; вы не знаете, что такую большую рѣку самаркандскій царь не можетъ задержать. Попробуйте въ нѣшній годъ ничего не посылать ему. Если самаркандцы не дадутъ вамъ воды—я отвѣчаю за это“.

---

*) См. Справочную Книжку Самаркандской области за 1896 г. Первая и вторая изъ предлагаемыхъ легендъ переведены изъ компилятивнаго соч. о Самаркандѣ неизвѣстнаго автора „Кандія-и-Хурдь“.

Не получая обычной за воду, столько лѣтъ платившейся бухарцами аккуратно, самаркандскій царь послалъ въ Бухару посла узнать, по какой причинѣ ничего не присылается за воду? Бухарцы отвѣчали: „теперь мы не будемъ платить. Если можете, не пропускайте къ намъ воды“. Разсерженный такимъ отвѣтомъ, самаркандскій царь приказалъ народу замереть воду. Однако, ничего подѣлать не могли и вода попрежнему текла свободно. Самаркандскій царь подумалъ: „воду рѣки удержать нельзя и бухарцы, по своей глупости и невѣжеству, ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, платили мнѣ дань. Конечно, имъ кто нибудь открылъ глаза и они раскаялись въ этомъ“.

Черезъ нѣкоторое время царю донесли, что въ Самаркандѣ вернулся еврей, который убѣдилъ бухарцевъ не посылать подарковъ за воду, царь велѣлъ схватить его и привести. Когда привели еврея, царь приказалъ убить его. Услышавъ такой приказъ, еврей сталъ умолять царя—не убивать его и обѣщалъ провести въ городъ Самаркандъ вдоволь воды. Нужно сказать, что раньше жители пользовались только водою колодезь, а текущей воды небыло въ городѣ. Царь очень беспокоился, что такъ трудно добывается вода изъ колодезь и что мало ее. Еврей началъ рыть арыки и проводить воду. Пригороды, сады и самъ городъ зазеленѣли, вездѣ по канавамъ потекла вода.

Прошло нѣсколько времени. Царь вспомнилъ продѣлку еврея и отдалъ приказаніе убить его. Еврей сталъ просить царя подарить ему жизнь и обѣщалъ за это показать удивительную вещь. Царь согласился. Еврей выпросилъ себѣ клочекъ земли, обнесъ его стѣной и заперся тамъ съ однимъ своимъ ученикомъ. Затѣмъ онъ здѣсь построилъ башню съ куполомъ и арку, украсивъ это изразцами. До этого времени жители Самарканда, жившіе въ глинобитныхъ постройкахъ, ничего подобнаго невидали и удивлялись искусству еврея. Отъ него-то и выучились самаркандцы плотничному мастерству, отливкѣ и постройкѣ большихъ зданій.

Прошло нѣкоторое время и самаркандскій царь снова вспомнилъ обиду, нанесенную ему евреемъ. Снова онъ приказалъ поймать еврея и казнить. Еврей упросилъ царя, даровать ему три дня сроку, обѣщавъ показать еще одну удивительную вещь. Царь опять согласился. Еврей вошелъ въ построенную имъ

башню, со своимъ ученикомъ, заперся и началъ дѣлать себѣ и ученику крылья. Придѣлавъ крылья, онъ улетѣлъ, а ученикъ его упалъ на одну крышу и сломалъ себѣ ногу. Когда донесли царю о случившемся, онъ приказалъ привести ученика. Царь спросилъ ученика: „не говорилъ-ли тебѣ еврей, какое разстояніе онъ можетъ пролетѣть въ одинъ приемъ?“. Ученикъ отвѣчалъ: „я спрашивалъ его объ этомъ, и онъ сказалъ, что можно пролетѣть безъ отдыху пять фарсанговъ“. Тогда царь приказалъ конникамъ скакать во все стороны отъ города и привести еврея. Долго искали его и, наконецъ, нашли еврея, отдыхающимъ на одномъ лугу, схватили и доставили къ царю. По приказанію царя, еврея убили, а тѣло его ученикъ похоронилъ въ построенной имъ башнѣ, (нѣкоторые-же говорятъ, что отвезъ въ Китай). Евреи обратили эту башню въ храмъ.

Еврейскій мудрецъ, о которомъ здѣсь рассказано, и есть тотъ человѣкъ, который первый научилъ самаркандцевъ плотничному мастерству, проводить арыки, строить большія зданія и украшать ихъ изразцами.

Чупанъ-ата*).

Болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до пророка (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе) жилъ жестокой царь. Собралъ онъ сто пятьдесятъ тысячъ войска и задумалъ овладѣть Самаркандомъ, жителей его старыхъ и слабыхъ перебить, а здоровыхъ и красивыхъ увести въ плѣнъ. Подступило войско къ Самарканду и остановилось на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Чупанъ-ата. Жестокой царь рѣшился не сразу напасть на городъ, а подождать три дня, когда испуганные окрестные жители укроются въ крѣпкихъ самаркандскихъ стѣнахъ и снесутъ сюда свои богатства. „Тогда сдѣлаемъ нападеніе и намъ достанется больше добычи, а пока потерпимъ“, — сказалъ царь.

Увидѣвъ подступившее къ городу большое непріятельское войско, жители пришли въ ужасъ и потеряли головы отъ страха. Въ то время самаркандцы были еще язычниками. Однако, са-

*) Возвышенность близъ Самарканды, у р. Зеравшана.

маркандскій царь сознавалъ, что язычество есть не истинная вѣра, а заблужденіе. Поэтому, когда пришла бѣда, онъ приказалъ разбить и поломать всѣхъ идоловъ, а жителямъ обратиться съ молитвою о спасеніи къ Богу земли и неба, запада и востока. Самъ царь уединился въ одной темной комнатѣ и, не выходя, молился трое сутокъ. Жители по ночамъ выходили на крыши своихъ домовъ, обнажали головы и молились. Въ то время не было между ними пророковъ или руководителей, а пророковъ, бывшихъ раньше, они считали обманщиками. Въ несчастіи-же они познали истиннаго Бога и молились такъ: о, Богъ неба и земли! Удали отъ нашихъ головъ эту бѣду, избавь насъ отъ врага“.

Прошло три дня и наступила ночь, въ которую непріятель хотѣлъ взять городъ. Въ эту ночь изъ Сиріи явилась гора и покрыла все непріятельское войско,— не осталось ни одного человѣка, ни одного верблюда, ни одной лошади, ни одной непріятельской вещи— все поглотила гора, все погибло и ничто не спаслось.

На утро удивленные самаркандцы увидѣли гору тамъ, гдѣ была ровная мѣстность и расположено было непріятельскій лагерь, отъ котораго и слѣда не осталось. Болѣе смѣлые отравились осматривать гору, а за ними высыпалъ и весь городъ, побуждаемый любопытствомъ. Но еще въ большое изумленіе пришелъ народъ, когда увидѣлъ на склонѣ горы человѣка, никому не знакомаго, по наружности и одеждѣ, какъ будто-бы, чужестранца. Человѣкъ этотъ спалъ, подложивъ подъ голову лопату. Разбуженный, онъ съ удивленіемъ началъ смотрѣть въ разныя стороны, протирать глаза и, наконецъ, спросилъ: „гдѣ я, какое это мѣсто?“ Ему отвѣчали, что мѣсто это Самаркандъ и спросили его, кто онъ и откуда? Тогда онъ рассказалъ, что онъ земледѣлецъ изъ Сиріи, что вчера была его очередь поливать пашню, что пашня его находилась на склонѣ горы, что онъ усталъ и заснулъ на пашнѣ, а что было дальше не знаетъ. Дѣйствительно, кругомъ были посѣвы*). Тогда самаркандцы поняли, что Господь перенесъ эту гору изъ Сиріи и похоронилъ подъ ней жестокаго царя со всѣми войсками. Теперь еще здѣсь выкапываютъ разныя воинскія принадлеж-

*) По другому варианту, жители увидѣли пастуха, окруженнаго стадомъ барановъ. Поэтому, будто-бы, возвышенность называется Чупанъ-ата (Чупанъ-пастухъ, ата—отецъ).

ности—кольчуги, латы, пики, стрѣлы и проч. Что гора эта дѣйствительно перенесена изъ Сиріи, въ томъ всякій можетъ убѣдиться, если сравнить породы, изъ которыхъ состоятъ горы Сиріи, съ породами Чупанъ-ата—они, совершенно одинаковы. Самаркандъ носить эпитетъ „махфуза“—хранимый. Почему онъ такъ называется,—это можно видѣть изъ рассказаннаго.

Дарханъ*).

Въ давнее время, въ Бухарѣ царствовалъ Абдулла-ханъ. Много построилъ онъ разнаго рода зданій—мечетей, мадрасъ, мостовъ, рабатовъ и другихъ. Любилъ онъ ученыхъ и награждалъ ихъ по царски, да и къ простому народу былъ милостивъ, а напрасно никого не обижалъ.

Вотъ, однажды, посаженный Абдулла-ханомъ самаркандскій хакимъ взбунтовался противъ него и не захотѣлъ посылать ему податей. Абдулла-ханъ не замедлил съ бухарскимъ войскомъ отправиться къ Самарканду. А метежный хакимъ къ тѣмъ временемъ исправилъ городскія стѣны и заперся въ городѣ. Долго стоялъ подъ стѣнами Абдулла-ханъ и никакъ не могъ проникнуть въ городъ. Надоѣло наконецъ, это обѣимъ сторонамъ. Притомъ же самаркандцы начали голодать. Вотъ они нѣтъ, нѣтъ да и сдѣлають вылазку то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, врасплохъ нападуть на непріятеля, поколотятъ порядочно и опять въ городъ.

Разъ между самаркандскимъ войскомъ и бухарцами произошла горячая схватка. Бухарцы были прогнаны далеко отъ города. Въ сраженіи участвовалъ и самъ Абдулла-ханъ. Сильно онъ усталъ, а еще больше проголодался. Когда онъ убѣгалъ отъ непріятеля, то замѣтили на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ кишлакъ Дарханъ, старуху, которая около своей сакли сидѣла и варила въ котлѣ аталю (кисель). Быстро соскочилъ проголодавшійся царь съ коня, попросилъ старуху угостить его киселемъ и, не дожидаясь, когда она положитъ его въ чашку,

*) Эта легенда записана мною въ кишлакѣ Дарханѣ, верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ Самарканда, со словъ старшины этого селенія. Дарханъ, собственно тарханъ, значить—человѣкъ, совершенно освобожденный отъ всякихъ податей.

схватилъ чумичъ (большая ложка), запустилъ его поглубже въ средину котла и съ жадностью проглотилъ два-три глотка, а больше ѣсть не могъ, потому что, по не опытности, обжегъ себѣ губы и ротъ. Видя это, старуха, смѣясь, сказала ему: „ты очень похожъ на Абдулла-хана. Если-бы ты сталъ ѣсть, беря ложкой сверху и отъ самага края котла, ты не обжогся-бы. Точно также, если бы Абдулла-ханъ сначала занялъ всѣ окрестности Самарканда, то не обжегся-бы на этомъ городѣ“. Понялъ Абдулла-ханъ, что рѣчь старухи разумна, воспользовался ея совѣтомъ и легко овладѣлъ Самаркандомъ, потому что у жителей вышли всѣ пищевые запасы, а со стороны ихъ получать было нельзя. Наградилъ царь старуху за хорошій совѣтъ—отдалъ ей и ея дѣтямъ всѣ земли на много ташей по Акъ-дарьѣ и приказалъ не брать съ нихъ никакихъ податей. Поэтому онѣ и назывались дарханъ, поэтому же и кишлакъ, который построили на томъ мѣстѣ, гдѣ жила старуха, назвали Дарханъ. Затѣмъ приходилъ разный людъ, селился на этой землѣ, оттягивалъ ее въ свою собственность и вотъ теперь дарханцы владѣютъ только небольшимъ кускомъ земли, да и съ того платятъ подать.

Шейхъ Мотыридь*).

Жилъ въ Самаркандѣ, въ старое время, святой человекъ—Шейхъ Мотыридь. Понравилось ему мѣсто за Сіабомъ, да воды тамъ не было. Взялъ шейхъ свой посохъ, пошелъ на Сіабъ, выше Чупанъ-аты, спуская конецъ посока въ воду и поволокъ его. Тотчасъ-же за шейхомъ, по тому слѣду, который оставлялъ посохъ, потекла вода. Гдѣ шейхъ шель скорѣе-и вода текла скорѣе, гдѣ тише-и вода текла тише. Такъ она и теперь течетъ. Дошелъ такимъ образомъ святой до облюбованнаго имъ мѣста и воткнулъ здѣсь посохъ. Изъ посоха выросло дерево. Выросло дерево, да не похожее ни на одно изъ тѣхъ,

*) Шейхъ Мотыридь, извѣстный святой, похороненъ въ Самаркандѣ на кладбищѣ „Джогаръ-Диза“. Легенда записана со словъ туземца Абу-саида. Въ нѣскольکو сокращенномъ видѣ она имѣется въ древнихъ рукописяхъ, повѣствующихъ о Самаркандѣ.

которыя растутъ въ Самаркандѣ, потому что посохъ этотъ принесенъ былъ шейхомъ изъ Мекки, куда онъ ходилъ въ „хаджъ“. Задумалъ шейхъ насадить на томъ мѣстѣ виноградникъ. Вотъ, однажды, онъ втыкалъ виноградные черенки въ землю, а ученикъ его носилъ ихъ и подавалъ ему. Осталось воткнуть всего еще нѣсколько черенковъ. Но въ это время разнесся голосъ муеззина, призывавшаго на вечерній намазъ (намази-шало). Шейхъ хотѣлъ бросить посадку и тотчасъ идти совершать намазъ. Однако, дьяволъ вошелъ въ ученика и его устами сталъ соблазнять святаго--окончить скорѣе посадку этихъ нѣсколькихъ черенковъ, а затѣмъ идти на молитву. Облазнилъ шейхъ лукавою рѣчью и началъ торопливо втыкать оставшіеся черенки. Но какъ онъ ни спѣшилъ, а на намазъ опоздалъ. Сталъ шейхъ съ тѣхъ поръ ждать себѣ наказанія отъ Бога. Сильно онъ боялся за свой грѣхъ.

Неизвѣстно, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, но однажды къ шейху явился человекъ, посланный самаркандскимъ царемъ, и сталъ требовать, въ видѣ натуральной подати, винограду съ нѣсколькихъ кустовъ. Шейхъ случайно отдалъ ему всѣ ягоды съ тѣхъ кустовъ, сажая которые, онъ опоздалъ на молитву, а царь приказалъ приготовить изъ нихъ вино. Съ этого времени въ Самаркандѣ стали готовить вино и пьянствовать. Понялъ тогда шейхъ, что это случилось въ наказаніе за его грѣхъ, и вырвалъ съ корнемъ всѣ виноградныя лозы въ своемъ саду. Однако, этимъ ни приготовленіе вина, ни пьянство не прекратилъ.

Шахи-зинда*).

Эмиръ Тимуръ возвратился изъ дальняго похода въ свою столицу Самаркандъ. Походъ былъ начать въ счастливый часъ:

*) Легенда эта записана мною, въ числѣ другихъ, со словъ таджика Мирза-Наима, въ Самаркандѣ, и представляетъ почти дословный переводъ съ таджикскаго. Въ Самаркандѣ она общеизвѣстна, хотя разсказывается съ нѣкоторыми, впрочемъ, незначительными вариантами. Судя потому, что основной мотивъ этой легенды встрѣчается въ очень старыхъ туземныхъ сборникахъ, слѣдуетъ приписать ей большую древность. О Тимурѣ въ нихъ еще не упоминается, а дѣйствующими лицами являются мѣстные языческіе цари.

Шахи-зинда (живой царь)—прозвище двоюроднаго брата пророка Мухаммада, Куссама, который участвовалъ въ походѣ арабовъ въ Среднюю Азію и былъ убитъ въ Самаркандѣ въ 52 г. хиджры.

много земель завоевалъ Тимуръ, много имущества привезъ въ Самаркандъ. Радъ былъ государь удачному походу и веселъ, но прежде, чѣмъ начать празднованіе своихъ побѣдъ, прежде, чѣмъ предаться отдыху отъ лишеній и воинскихъ трудовъ, онъ пожелалъ совершить „зіарать“ (поклоненіе) на могилахъ святыхъ, которыхъ немало похоронено въ Самаркандѣ. Съ многочисленною свитою, съ сыновьями и разными родственниками, съ царскою пышностью и великолѣпіемъ, онъ объѣзжалъ святія мѣста, вездѣ сходилъ съ лошади и совершалъ поклоненіе; наконецъ, Тимуръ подъѣхалъ къ тому колодцу, въ которомъ скрылся отъ язычниковъ—непріятелей Шахи-зинда еще въ то время, когда Самаркандъ только-что былъ завоеванъ арабами и въ немъ началъ насаждаться исламъ. Тутъ напало на Тимура сомнѣніе,— правда-ли, что Шахи-зинда, великій и всеми почитаемый святой, живъ? Онъ обратился къ сопровождающимъ и сказалъ:

— Я прочиталъ въ историческихъ книгахъ,— да и всемъ людямъ извѣстно, что Шахи-зинда скрылся въ колодцѣ, когда его преслѣдовали взбунтовавшіеся и отрекшіеся отъ ислама самаркандцы,— что онъ живъ и пребываетъ въ колодцѣ. Я желаю знать, справедливо-ли это, не умеръ-ли уже теперь Шахи-зинда?

Приближенные отвѣчали:

— Государь, знать о томъ, что скрыто, никто не можетъ, кромѣ Бога. Живъ или умеръ въ настоящее время Шахи-зинда, не увидѣвъ своими глазами, сказать невозможно.

Затѣмъ одинъ вельможа доложилъ:

-- Великій государь, я прочиталъ въ одной книгѣ, что Шахи-зинда будетъ пребывать въ молитвѣ въ этомъ колодцѣ до тѣхъ поръ, пока снова не придетъ на землю пророкъ Иса*). Тогда Шахи-зинда выйдетъ изъ колодца и покажется народу.

Не разсѣяли эти слова сомнѣнія Тимура и его стало мучить желаніе узнать скрытое. Ни предъ чѣмъ не останавливался Тимуръ. Онъ тутъ-же сталъ вызывать изъ своей свиты желающаго спуститься въ колодець. Много богатствъ, много почестей обѣщаль онъ тому, кто доставитъ изъ колодца какія либо извѣстія о Шахи-зинда. Однако, какъ ни заманчивы были обѣщанія, не нашлось желающаго: все боялись причи-

---

*) Иисусъ Христосъ.

нить безпокойство святому; многие думали, что входъ къ нему оберегаетъ огнедышящій драконъ. Опечалился Тимуръ и велѣлъ объявить своему войску слѣдующее: «Храбрые воины, не отыщется-ли между вами такого смѣлаго человѣка, который спустился-бы въ колодець Шахи-зинда и принесъ извѣстiе о томъ, живъ или умеръ святой. Этотъ человѣкъ награжденъ будетъ безсчетомъ и богатствомъ и почестями».

На предложенiе амира Тимура вызвался одинъ человѣкъ изъ числа воиновъ, по имени Хида. Хида былъ безстрашный воинъ и обладалъ громадной силой. Соблазнился онъ на великое богатство и почести, предсталъ предъ государя и заявилъ, что исполнить желанiе повелителя и спустится въ колодець. Повеселѣлъ Тимуръ и сказалъ ему:

— Ей, Хида, это трудное дѣло только ты одинъ можешь выполнить. Желая тебѣ скоро и благополучно возвратиться, чтобы сердце мое успокоилось отъ сомнѣнiй и неизвѣстности.

Обязавъ себя Хида по талии однимъ концомъ веревки; взялись воины тимуровы за другой конецъ и начали потихоньку спускать смѣльчака въ колодець. Прошло немало времени, надвизали уже нѣсколько веревокъ, а Хида все продолжалъ спускаться. Наконецъ, онъ ощутилъ подъ ногами дно. Смотрить кругомъ и ничего не видитъ—полная темнота. Догадливый человѣкъ былъ Хида, много перевидалъ на своемъ вѣку, много слышалъ, да и ума имѣлъ достаточно. Сѣлъ онъ на дно колодца, зажмурилъ глаза и pokrѣпче зажалъ ихъ ладонями. Просидѣлъ онъ въ такомъ положенiи нѣсколько времени, о затѣмъ сразу открылъ глаза,—открылъ и увидѣлъ, что внутренность колодца освѣщена, какъ земля въ ясный день. Осмотрѣлся Хида и видитъ—въ одной сторонѣ колодца пещера. Смѣло вошелъ онъ въ пещеру и, пройдя разстоянiе равное пролету стрѣлы, увидѣлъ дворець на подобiе сокровищницы Фиридуна*). Дворецъ, снаружи и внутри сплошь украшенный драгоценными камнями, горѣлъ какъ солнце въ лѣтний день и бросалъ во все стороны разноцвѣтные лучи свѣта. Со всѣхъ четырехъ сторонъ къ нему примыкали суфы**), а фасадъ его былъ точно отштукатуренъ расплавленнымъ золотомъ. Съ каждой стороны дворца на „суфахъ“ стояло по од

*) Эпическiй персидскiй царь.

**) Земляная возвышенная площадка, а также широкая кровать для сидѣнья.

ному трону, украшенному драгоценными камнями. Немало дивился Хида несравненной красотѣ дворца. Много странъ исходилъ онъ съ Тимуромъ, много видѣлъ разныхъ диковинъ, много слышалъ чудеснаго, но ничего подобнаго этому дворцу даже во снѣ не снилось. Однако, сколько онъ ни ждалъ, сколько ни смотрѣлъ въ разныя стороны, никто не выходилъ и нигдѣ не было видно человѣка. Хида вошелъ во дворецъ, но и здѣсь никого не было. Ходилъ, ходилъ Хида по дворцу, и, наконецъ, открывъ одну дверь, вышелъ въ громадный садъ, такой прекрасный, какого не было никогда на землѣ. Въ этомъ саду были обширные виноградники, состоявшіе изъ лозъ всевозможныхъ сортовъ, фруктовыя и декоративныя деревья и кусты разной величины и всѣхъ существующихъ породъ, прекрасныя цвѣтники изъ самыхъ удивительныхъ по красотѣ и запаху цвѣтовъ міра, широкіе луга и поляны съ мягкою травой самыхъ нѣжныхъ красокъ и поразительныхъ видовъ; множество ручейковъ съ свѣтлой ключевой водой текло по саду; отъ ручейковъ въ разныя стороны проложены были канавки. Вода, журча, текла по нимъ во всѣ мѣста сада, наполняя собою коегдѣ расположенныя „хаузы“ (пруды), обсаженные большими карагачами, дававшими густую тѣнь и прохладу. Дно и берега ручейковъ, канавокъ и „хаузовъ“, вмѣсто камешковъ и песку, покрыты были разной величины зернами коралловъ, изумрудовъ, яхонтовъ и рубиновъ. Вездѣ на деревьяхъ висѣли спѣлыя плоды. Безсчетное количество чудныхъ птицъ съ пріятными и увлекательными голосами, съ перьями подобными драгоценнымъ камнямъ, наполняло садъ; поодиначкѣ и стайками, перелетая съ дерева на дерево, громко и неустанно онѣ пѣли хвалу Богу.

Долго бродилъ восхищенный Хида по чудному саду, совершенно забывъ зачѣмъ онъ явился сюда. Однако видъ плодовъ настолько былъ прекрасенъ, что онъ не могъ удержаться, чтобы не попробовать ихъ. Но только-что протянулъ онъ къ вѣткѣ руку, какъ услышалъ страшный громовой голосъ: „Ей, ты, помѣшанный! Если вздумаешь что-нибудь взять отсюда, я порву нить твоей жизни, этой палицей раздроблю тебѣ голову!“. Отъ страха затрясся Хида, а рука его сама собою опустилась. Посмотрѣлъ онъ въ ту сторону, откуда исходилъ голосъ и увидѣлъ: стоитъ страшный и необычайной величины старикъ съ громадною палицею въ рукахъ. Сначала Хида хотѣлъ было

обратиться къ нему съ вопросомъ, но при видѣ этого страшилица куда дѣвалась вся его храбрость и онъ со страху ударился бѣжать. Долго бѣжалъ онъ, пока не очутился на концѣ сада. Предъ нимъ открылся прекрасный обширный зеленый лугъ, конца которому не было видно. Лошадей тысячь двѣсти паслось на этомъ лугу. Всѣ онѣ осѣдланы были золотыми сѣдлами съ наборомъ изъ драгоценныхъ камней; такія-же на нихъ были уздечки; но пастуховъ не было видно. Дальше Хида увидѣлъ дворець съ высокою террасою, похожій на раньше видѣнный. Приблизившись, онъ увидѣлъ передъ дворцомъ толпу мужчинъ тысячь въ двѣсти—одни одѣты были въ бѣлое, другіе въ зеленое. Чтобы вы не сомнѣвались въ справедливости показаннаго числа лошадей и людей, нужно знать, что Хида безошибочно умѣлъ прикидывать на-глазь количество людей и скота. Въ виду такой его способности эмиръ Тимуръ каждый разъ предъ сраженіемъ высылалъ его впередъ узнать число непріятельскаго войска. Хида взбирался на какую нибудь возвышенность, съ которой можно было видѣть все вражье войско, затѣмъ шелъ и докладывалъ государю, что врага столько-то.

Пока Хида разсматривалъ дворець, лошадей и людей, онъ между послѣдними замѣтилъ движеніе и беспокойство. Люди въ бѣлыхъ и зеленыхъ одеждахъ стали переговариваться: „Какъ будто на лугъ вошелъ чужой челоуѣкъ, какъ будто близко находится посторонній?“. Въ это время Хида увидѣлъ на террасѣ дворца на тронѣ сидящаго старца въ бѣлой блестящей одеждѣ, всего въ сіяніи; справа и слѣва рядомъ съ нимъ сидѣли еще два старика, тоже въ бѣлыхъ одеждахъ. Всѣ трое, повидимому, бесѣдовали. Набравшись смѣлости, Хида почтительно приблизился къ стоявшимъ вокругъ дворца людямъ и сказалъ: „Ассалямъ-алейкумъ!“*) Получивъ отвѣтъ на благопожеланіе, онъ обратился къ одному изъ нихъ съ такимъ вопросомъ:

— Таксырь**), кто сей великій мужъ, испускающій свѣтъ и какъ имена тѣхъ двухъ благородныхъ старцевъ, сидящихъ съ нимъ?

Тотъ отвѣчалъ:

— Знай, рабъ Божій, что сидящій въ срединѣ—Шахи-

*) „Миръ вамъ“—такъ здороваются мусульмане.

**) Въ смыслѣ—господинъ.

зинда Куссамъ, сынъ Аббаса*) (да будетъ доволенъ ими обоими Богъ); сидящій справа—пророкъ Хызыръ, а слѣва—пророкъ Ильясъ**). Люди, которыхъ ты здѣсь видишь, это души будущихъ людей и души умершихъ праведныхъ людей—первые въ бѣлой одеждѣ, послѣдніе въ зеленой. Всѣ онѣ (души) по повелѣнію Божию собираются сюда каждый день, чтобы поклониться и служить хазрету Шахи-зинда, а затѣмъ разлетаются на тѣхъ коняхъ, которыхъ ты видишь, направо и налѣво, на востокъ и западъ, по всему міру.

Души между тѣмъ продолжали беспокоиться присутствіемъ между ними посторонняго человѣка. Это замѣтилъ Шахи-зинда и пожелалъ узнать причину ихъ безпокойства. Души отвѣчали: „О, хазретъ, сегодня спустился въ колодець и вошелъ сюда человѣкъ не изъ числа насъ, посторонній“. Прогнѣвался Шахи-зинда и приказалъ немедленно привести этого человѣка и не успѣлъ въ себя придти Хида, какъ уже стоялъ передъ трономъ. Сложивъ руки на животъ, правую сверху лѣвой, и наклонивъ станъ впередъ***), онъ произнесъ привѣтствіе: „Ас-саляму-aleyкумъ“, на что Шахи-зинда отвѣчалъ: „Алейкумъ ас-салямъ“****). Гнѣвнымъ взоромъ взглянулъ Шахи-зинда на Хиду. Храбрый, безстрашный человѣкъ былъ Хида, однако и онъ отъ такого взгляда измѣнился въ лицѣ, затрясся, какъ таловый листъ, и упалъ на колѣни. Склонилъ голову Шахи-зинда и задумался. А Хида уже въ ужасѣ припалъ къ землѣ: ни живъ, ни мертвъ, дрожить за свою жизнь. Наконецъ, Шахи-зинда поднялъ голову и обратился къ нему съ такими словами:

— Рабъ Божій, ты совершилъ дерзкій поступокъ, спустившись въ колодець и явившись между душами праведныхъ людей. Развѣ ты своимъ безпокойствомъ не боялся прогнѣвить меня? Неужели ты не зналъ, что по моему приказанію тебя могутъ сдѣлать участникомъ постоянного міра, привести въ первобытный, до-земной видъ? Если я поступлю такъ, то этимъ избавлюсь отъ другихъ, подобныхъ тебѣ дерзкихъ людей, которые можетъ быть тоже пожелаютъ сойти въ колодець и побывать ради любопытства въ царствѣ чистыхъ душъ.

*) Родной дядя Мухаммада.

***) Пророкъ Хызыръ нашелъ источникъ живой воды, изъ котораго напился, а потому будетъ вѣчно живъ. Ильясъ—пророкъ Ілія, тоже будетъ вѣчно жить.

****) Обычная поза туземцевъ передъ высшими.

*****) И тебѣ миръ.

Хида въ страхѣ сталъ оправдываться:

— О, хазретъ, не наказывай меня, я не по своей волѣ спустился въ колодець. Въ міръ явился великій государь — эмиръ Тимуръ. Онъ уже завоевалъ половину вселенной и хочеть завладѣть всей землей. Онъ насильно послалъ меня сюда. Развѣ я могъ послушаться его?

На это Шахи-зинда сказалъ:

— Ты лжешь и не боишься Бога. Эмиръ Тимуръ насильно не приказывалъ спускать тебя въ колодець; тебя привело сюда корыстолюбіе: ты спустился добровольно въ надеждѣ на обѣщанныя тебѣ Тимуромъ богатства и почести. На этотъ разъ я дарю тебѣ жизнь и прощаю твой поступокъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты такъ или иначе не обнаружилъ царю своему или кому другому ничего изъ видѣннаго здѣсь тобою, чтобы все это ты сохранилъ въ тайнѣ. Если-же ты не удержишь тайны, проговоришься, на твою голову посыплются бѣды и несчастія и ты лишишься самаго важнаго изъ пяти чувствъ человѣка. Тимуру-же за то, что онъ смѣлъ сомнѣваться въ томъ, что я живъ, опредѣлено такое наказаніе: всѣ страны на землѣ онъ завоеуетъ, но не овладѣтъ ему Китаемъ“.

Заплакалъ Хида:

— Развѣ эмиръ Тимуръ повѣритъ, если я не выдамъ ему тайны — сказалъ онъ — меня прикажетъ онъ мучить и пытаться. Какое-же мнѣ положено наказаніе, о, хазретъ, если я, не вынеся мученій и спасая жизнь, открою, что видѣлъ и слышалъ здѣсь?

Шахи-зинда отвѣтилъ на это:

— Если ты выдашь тайну, не исполнишь моего желанія, ты самъ ослѣпнешь и все потомство твое будетъ родиться слѣпымъ. Помни наказаніе и не открывай тайны. А теперь возвращайся домой, да бойся въ другой разъ беспокоить меня!

Поднялся Хида и, пятясь, съ согнутымъ станомъ и прижатými къ животу руками, началъ отходить отъ дворца, бормоча благодарность. Потомъ быстро, не чувствуя своего тѣла, пробѣжалъ онъ весь лугъ, садъ, дворець, попалъ въ пещеру и очутился на днѣ колодца. Наскоро онъ перевязался попрже-нему концомъ веревки и началъ часто и сильно дергать ее, подавая сигналъ, чтобы вытаскивали. У спуска въ колодець стояли и ждали сигнала люди. Они быстро начали тянуть веревку. Вытащили Хиду и несразу узнали его. Тотчасъ-же

повели его къ эмиру Тимурѣ, который съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій о Шахи-зинда. Упалъ Хида предъ царемъ на землю и поцѣловалъ ее. По лицу его узналъ царь, что съ нимъ случилось что-то необычайное и сказалъ:

— Разсказывай, Хида, что видѣлъ въ колодцѣ? Живъ или нѣтъ Шахи-зинда?

Хида доложилъ:

— Великій государь, я спустился на самое дно колодца, но ничего тамъ не видалъ, потому что тамъ ничего нѣтъ и Шахи-зинда нѣтъ.

Эмиръ Тимуръ пришелъ отъ этихъ словъ въ сильный гнѣвъ и началъ громко кричать на Хиду:

— Ты лжешь передъ своимъ государемъ! Всему народу извѣстно, что Шахи-зинда находится въ колодцѣ; объ этомъ же написано въ книгахъ, а ты говоришь, что его тамъ нѣтъ! Скорѣе разсказывай все, что видѣлъ, иначе я предамъ тебя мученіямъ, а потомъ прикажу убить.

— Что я могу сказать тебѣ, государь, когда ничего не видѣлъ? — заявилъ Хида.

Тогда эмиръ Тимуръ далъ знакъ слугамъ, чтобы позвали палачей. Мигомъ явились они, упали ницъ предъ трономъ царя и почтительно выразили готовность служить государю и исполнить все, что онъ прикажетъ. Разгнѣванный Тимуръ приказалъ казнить Хиду. Вышелъ одинъ изъ палачей, схватился за рукоятку висѣвшаго у него на поясѣ меча, быстро выхватилъ его изъ ноженъ, пригнулъ голову Хиды и широко замахнулся мечемъ, чтобы однимъ ударомъ отдѣлить душу отъ тѣла... Тутъ позналъ Хида, какъ сладка жизнь:

— Стой, палачъ! Я имѣю слово сказать царю! — крикнулъ онъ.

Палачъ остановился.

— Великій государь, если я открою тайну о Шахи-зинда, то необходимо долженъ буду лишиться зрѣнія. Кромѣ того, всѣ потомки мои будутъ рождаться слѣпыми. Государь, я много и усердно служилъ тебѣ. Надѣюсь, что ты не пожелаешь мнѣ этого страшнаго несчастія, не пожелаешь, чтобы я ослѣпъ и мои потомки были слѣпыми ради того, чтобы знать тайну о Шахи-зинда.

Но Тимуръ на это отвѣчалъ:

— Мои рѣшенія не отмѣняются. Я такъ сильно желаю

узнать тайну о Шахи-зинда, что твои опасенія не остановятъ меня. Если-же ты ослѣпишь и твои потомки будутъ родиться слѣпными, я обезпечу васъ: построю для васъ въ Самаркандѣ мадрасу, въ кельяхъ которой вы будете жить и изучать коранъ; назову эту мадрасу *Мадрасой слѣпцовъ*, насажу садъ для васъ, который назову садомъ Хиды, одѣлю васъ богатымъ вакуфомъ. Ты садись на лошадь и поѣзжай на такое мѣсто, которое тебѣ больше нравится. Сколько земли обскачешь тамъ въ теченіе дня, вся она будетъ вакуфной въ пользу твою и твоихъ потомковъ. Кромѣ того я обращаю въ вакуфъ двѣнадцать рядовъ лавокъ на базарѣ въ Самаркандѣ.

Волей-не-волей долженъ былъ согласиться Хида на предложеніе Тимура. Придя домой, онъ сталъ обдумывать, какое мѣсто ему выгоднѣе выбрать для предстоящаго объѣзда. Изъ всѣхъ владѣній Тимуровыхъ ему больше другихъ нравились самаркандскія земли. Остановившись на Самаркандскомъ вилайетѣ, онъ сталъ размышлять: „Въ Ангарскомъ туманѣ*) мало воды, потому что арыкъ Даргамъ часто размываетъ плотину на Зеравшанѣ и въ нужное время въ немъ не хватаетъ воды. Не даромъ-же и поговорка сложилась: „если не хочешь доставить себѣ печали, не сѣй по Даргаму“. Трудно будетъ мѣ имъ потомкамъ съ такой землей. Земли Сугуда и плодородны, да рѣка Зеравшанъ бываетъ по-временамъ многоводна—трудно переѣзжать; кромѣ того, мѣстность эта отличается грязью—мученіе по ней и ходить и ѣздить. Притомъ, много-ли земли тамъ можно обскакать въ одинъ день—вездѣ арыки да болота съ камышемъ и топи?“. Долго онъ раздумывалъ такъ и, наконецъ, нашелъ, что лучше, удобнѣе другихъ земли Шаудорскія: близко отъ города, мѣстность сухая и ровная, урожаи бывають порядочные, въ водѣ нѣтъ недостатка.

Еще муэzzинъ не прокричалъ призыва на намазъ „бамдодъ“ (**), а Хида уже сѣдлалъ своего скакуна въ Акъ-тепе, откуда онъ предполагалъ начать объѣздъ. А скакунъ у него былъ такой, что на „капкари“ (***) и на байгѣ всегда оставался побѣдителемъ. Только показался краешекъ солнца изъ-за Пенджакентскихъ горъ, Хида уже птицей-ястребомъ несся по направленію къ Кара-тюбинскимъ горамъ, захватывая кругъ

*) Туманъ—округъ, волость.

**) Первый намазъ, совершаемый на разсвѣтѣ.

***) Скачка съ козломъ.

пошире. Легко скачетъ его конь, перепрыгивая арыки и вымоины, то стрѣлой вылетая изъ оврага, то на мигъ скрываясь въ лощинѣ. Вѣтеръ свиститъ въ ухахъ Хиды, играетъ его шолковымъ халатомъ, а Хида все смотритъ на солнце. Удивительное дѣло: ему кажется, что солнце сегодня быстро, быстро поднимается въ высь, а конь недостаточно быстро скачетъ. Досада беретъ Хиду на коня. Со всей силой хлещетъ онъ его нагайкой, широкими размахами ногъ бьетъ его по животу. Только къ полдню доскакалъ Хида до Кара тепе, захвативъ уже немало земли. Конь его бѣжалъ въ это время уже рѣдкими, отрывистыми, скачками, какъ дрофа на подъемѣ, а дальше пошолъ шагомъ, качаясь изъ стороны въ сторону, покрытый пѣной, тяжело дыша... Слишкомъ понадѣялся Хида на силы коня, да и жаденъ былъ притомъ же. Закрыла ему глаза жадность, затемнила разсудокъ. Вотъ добрался Хида до Агалыка и повернулъ коня на Чунгуль. Время было около намаза асра*). Еле еле передвигалъ ногами измученный конь, нисколько не прибавляя шагу отъ жестокихъ ударовъ нагайки. Наконецъ, конь пошатнулся, не удержался на ногахъ, упалъ и не могъ встать. Взглянулъ Хида на солнце—оно уже начало принимать огненный цвѣтъ и смотрѣть на него стало не больно. Бросилъ онъ лошадь и пустился бѣжать. Бѣжалъ онъ, бѣжалъ, перебѣжалъ Чаръ-Минорскій мостъ на Даргамѣ, началъ задыхаться отъ усталости и съ бѣга перешелъ на шагъ. Сбросилъ онъ халатъ и рубаху, а сапогъ давно уже не было на немъ... Отдышавшись немного, онъ еще разъ взглянулъ на солнце—вотъ, вотъ оно скроется... Откуда и прыть взялась у него, легко онъ снова пустился бѣжать—и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не упалъ. Однако жадность и тутъ не оставила его: падая, онъ насколько могъ, широко размахнулся нагайкой, случайно оставшейся у него въ рукѣ, и бросилъ ее впередъ, желая урвать еще хоть кусочекъ земли. На томъ мѣстѣ, гдѣ упала нагайка, потомъ основалось селеніе Камчинонъ, названіе котораго и произошло отъ слова камчинъ—нагайка**).

Отдохнувъ и сѣвъ на свѣжую лошадь, Хида явился къ эмиру Тимуру, который приказалъ ему немедленно приступить къ разсказу. Хида подробно разсказалъ все, что видѣлъ

*) Третій, часа за два до заката солнца.

**) Самаркандцы нагайку называютъ неправильно камчинъ, а не камчи.

и слышалъ, ничего не прибавляя отъ себя и не скрывая. Только онъ кончилъ,—двѣ крупныя темныя слезы выкатились изъ его глазъ и онъ ослѣпъ. Всѣ были поражены этимъ чудомъ. Съ тѣхъ поръ потомки Хиды рождаются слѣпыми—объ этомъ всѣмъ въ Самаркандѣ извѣстно. Эмиръ Тимуръ сдержалъ свое обѣщаніе: построилъ въ Самаркандѣ мадрасу, въ которой и до сего времени живутъ слѣпцы, большею частью потомки Хиды*). Отъ сада Хиды теперь и слѣда не осталось, а вакуфы, завѣщанныя Тимуромъ въ пользу потомковъ Хиды, въ большинствѣ утратились, потому что съ тѣхъ поръ много было непріятельскихъ нашествій на Самаркандъ, много поколѣній людей смѣнилось въ немъ, а еще больше было внутреннихъ переворотовъ...

Исполнилось и наказаніе, предсказанное Тимурю. Ужъ весь свѣтъ завоевалъ онъ, только одно Китайское царство не было подвластно ему, да и то онъ собирался покорить. Собралъ Тимуръ большое войско, такое большое, что ему не было счету, что съ одного конца не было видно другого. Никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Выступило войско. Что могло устоять предъ нимъ, что могло загородить ему путь? Развѣ можно преградить дорогу бурѣ? Развѣ удержишь воду въ Сыръ-дарьѣ?! Испугался китайскій царь, когда узналъ, что на него идетъ непобѣдимый Тимуръ, хотѣлъ онъ безъ битвы отдать все свое царство Тимурю, чтобы напрасно не проливать крови, и выслалъ ему навстрѣчу пословъ съ богатыми дарами... Но въ это самое время умеръ Тимуръ, не дойдя до границы Китайскаго царства, а войска его разсѣялись...

Самаркандскій вилаетъ**).

Самаркандскій вилаетъ, расположенный въ Маураннахрѣ, относительно обилія воды и степени культуры, есть средній между другими вилаетами этой страны. Онъ раздѣляется на семь тумановъ***).

---

*) Мадраса Хоразми.

**) Предлагаемое описаніе Самаркандскаго вилаета представляетъ переводъ изъ „Рис олі“, составленной узбекомъ рода Кыркъ Мухаммадъ Салихомъ, сыномъ Мухаммадъ Кутлука. Описаніе относится ко второй половинѣ правленія династіи Аштарханидовъ (1006—1199—1597—1784).

***) Туманъ—округъ; вилаетъ—область.

Шаудорскій туманъ*), раскинувшійся въ длину на четыре фарсаха**), имѣеть съ южной стороны хребеть горъ съ массою ключевой воды и пастбищами. Южный склонъ горъ въ маѣ мѣсяцѣ представляетъ прекрасный видъ, а сѣверный бываетъ покрытъ густою, зеленою травою. Въ этомъ туманѣ находится мѣстность, называемая Ургуть, представляющая возвышенность съ отличнымъ климатомъ, большимъ количествомъ источниковъ и пастбищъ. Здѣсь много прекрасныхъ садовъ и полей. Земля очень плодородна. Въ укрѣпленіи Ургуть и въ кварталахъ, расположенныхъ вокругъ него, находится немало хорошихъ построекъ. „Вирюзовый садъ“ (Фируза-багъ), который въ правленіе султана Тимура Гурагана и его потомковъ былъ въ очень благоустроенномъ видѣ, находится здѣсь. Кварталы и окрестности Каучинона***) утопаютъ въ цвѣтникахъ, фруктовыхъ садахъ и виноградникахъ. Текущей воды здѣсь избытокъ, а климатъ довольно умѣренный.

Въ этомъ туманѣ расположенъ городъ Самаркандъ. Изъ числа громадныхъ построекъ города первое мѣсто занимаетъ соборная мечеть Биби-ханымъ, построенная султаномъ Тимуромъ-Гураганомъ, второе — благодатная, пресвѣтлая гробница Куссамъ-ибнь-Аббаса****), третье — усыпальница Амира-Тимура, четвертое — мадраса Мирза-Улугъ-бека, пятое — двѣ мадрасы Ялангъ-тушь-бій Богадура, находящіяся въ центрѣ города, шестое — зданіе „Джами“ (соборная мечеть*****), седьмое — мадраса Ходжа Ахраръ, построенная Надыръ бій Диванъ-беги. Кромѣ того, въ городѣ находится много и другихъ хорошихъ общественныхъ и частныхъ зданій, украшенныхъ изразцами и по дереву.

Разсказываютъ, что причиною возникновенія зданій двухъ мадраса Ялангъ-тушь Богадура въ городѣ Самаркандѣ былъ его двукратный набѣгъ — разъ на Кабуль, откуда онъ вывелъ 300-500 плѣнныхъ, обращенныхъ имъ въ рабовъ, и вывезъ большія богатства, и разъ на Мешхедъ, гдѣ взято было въ плѣнъ столько-же иранцевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. Только бла-

*) Нынѣ волости — Ургутская, Кара-тепинская, Ходжа-Ахрарская, Джума-базарская, Махаллинская, Яны-казанъ-арыкская.

**) Фарсахъ, фарсангъ — 8 верстъ.

***) Каучинонь — селеніе верстахъ въ пяти на югъ отъ Самарканда.

****) Шахи-зинда.

*****) Вѣроятно несуществующая теперь, построенная Алейка Кукальташемъ при Мирза Улугъ-бекѣ.

годаря большому количеству рабовъ и богатствъ, попавшихъ въ руки Ялангъ-туша въ эти два набѣга, онъ могъ воздвигнуть, не считая другихъ сооруженныхъ имъ построекъ, два столь величественныхъ зданія. Въ правленіе Абдуль-Азизъ Богадуръ-хана рабовъ у Ялангъ-туша насчитывалось до 3000 человекъ.

Ширазскій туманъ имѣетъ въ длину три фарсаха, а въ ширину два. Земля здѣсь представляетъ отчасти обработанная пространства и отчасти прекрасныя пастбища съ отличнымъ подножнымъ кормомъ. Земледѣліе въ этомъ туманѣ доведено до высокой степени совершенства, почва плодородна, климатъ пріятный, виноградъ отличается прекраснымъ вкусомъ. Восточная и сѣверная части тумана заняты горами, а западная представляетъ равнинную мѣстность. Въ правленіе Абдуль-Азизъ-хана туманъ этотъ находился въ очень культурномъ состояніи — здѣсь насчитывалось до пяти тысячъ садовъ и люцерновыхъ участковъ и до тридцати тысячъ семействъ осѣдлаго населенія. Остатки стѣнъ, построекъ и садовъ видны и по настоящее время.

Алія-абадскій туманъ*) въ длину тянется на два фарсаха, а въ ширину на одинъ. Восточная часть представляетъ гористую мѣстность и смежна съ Ширазскимъ туманомъ, сѣверная тоже гориста, имѣетъ источники и богата пастбищами съ прекрасною зеленою травою. Земля здѣсь плодороднѣе даже, чѣмъ въ Ширазскомъ туманѣ. Въ правленіе Абдуль-Азизъ Богадуръ-хана туманъ этотъ былъ значительно культурнѣе, чѣмъ теперь: населеніе его достигало восьми тысячъ семействъ и имѣло около трехъ тысячъ садовъ и участковъ люцерновыхъ полей, одинъ рабать, мадрасу и двѣ соборныхъ мечети. Въ это царствованіе казіи Миръ Богавуддинъ построилъ здѣсь громадныя зданія и „михманъ-ханы“**), слѣды которыхъ уцѣлѣли до настоящаго времени.

Ангарскій туманъ****) превосходень относительно садовъ и виноградниковъ. Онъ орошается арыками Нагр-и-Работ-и-Ходжа и Даргамомъ, выведеннымъ изъ Зеравшана и несущимъ въ этотъ туманъ воды мельницъ на сто. Если исклю-

---

*) Волости—Туртъ-кульская, Челекская.

**) Гостинная.

***) Волости—Ангарская, Даульская, часть Чашма-обеской и Сюбеской.

чить арыки, образовавшіеся изъ ключей, то городъ Самаркандъ и весь Ангарскій туманъ культурны, только благодаря многоводному Даргаму. Кромѣ Даргама Ангарскій туманъ имѣетъ арыки, образовавшіеся изъ ключей мѣстности Яссы-тепа и Кундузакъ, несущіе воды приблизительно мельницъ на пятьдесятъ. Одинъ изъ этихъ арыковъ называется Сюбъ, а другой Об-и-Машатъ. Воды ихъ расходуются главнымъ образомъ на орошеніе рисовыхъ полей. Почва тумана плодородна и земледѣліе здѣсь процвѣтаетъ. Арыкъ Даргамъ заселенъ по обоимъ своимъ берегамъ отъ начала до самаго впаденія его въ Зеравшанъ, куда онъ несетъ избытокъ своихъ водъ.

Яръ-Яйлакскій туманъ*) самый лучший изъ всѣхъ самаркандскихъ тумановъ. По восточной и южной сторонѣ его идутъ горные хребты, изъ которыхъ вытекаетъ немалое число рѣчекъ. Вода потребляется жителями на орошеніе полей. Здѣсь много обширныхъ пастбищъ съ очень питательною, сочною травою. Лѣтомъ совершенно не бываетъ гармъ-силей**), а дуютъ постоянно умѣренные, прохладные вѣтры. Климатъ отличный и почва плодородная. Жители большую часть года ходятъ въ шубахъ. Въ правленіе Абдуль-Азизъ-хана въ этомъ туманѣ было не менѣе десяти тысячъ семействъ населенія и пятьдесятъ многолюдныхъ и благоустроенныхъ селеній. Пшеница и ячмень даютъ хорошіе урожаи, но рису сѣютъ очень мало. Изъ Зеравшана Амиръ Тимуръ провелъ арыкъ, именуемый Тюя-тартаръ, третья часть воды котораго расходуется на орошеніе посѣвовъ въ Яръ Яйлакскомъ туманѣ.

Сугуд-и-Калянскій туманъ***) занимаетъ площадь длиною въ три фарсаха и шириною въ два. Климатъ здѣсь довольно умѣренный, ровный; воды избытокъ; травы много, въ особенности въ маѣ и іюнѣ; земля достаточно плодородна. Большую часть года здѣсь сидитъ много кочевыхъ узбековъ, для которыхъ пастбищъ въ этомъ туманѣ вполне достаточно. Туманъ пересѣкаетъ арыкъ, называемый Мирза-арыкъ, несущій воды мельницъ на пятьдесятъ. Вода изъ него расходуется населеніемъ на нужды ирригаціи. Кромѣ того, въ туманѣ находится много болѣе мелкихъ арыковъ, образовавшихся изъ ключей.

*) Усматъ-Катаръ-Тальская, Тюя-Тартарская.

**) Горячій вѣтеръ.

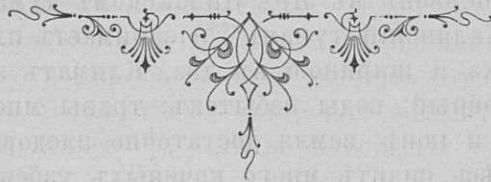
***) Болости—Хальваинская, Ишимъ-аксакая.

Служа цѣлямъ ирригаціи, арыки эти въ то-же время эксплуатируются для приведенія въ ходъ расположенныхъ на нихъ мельницъ.

Рись, просо, кунджуть, ячмень, пшеница растутъ хорошо.

Афоривкентскій туманъ*), относительно воды, климата, травъ и земледѣлія, а въ особенности охоты на степную и водяную дичь, относится къ лучшимъ самаркандскимъ туманамъ. Перепеловъ здѣсь осенью бываетъ чрезвычайно много. Садовъ и фруктовыхъ деревьевъ очень мало. Почва больше наносная съ примѣсью песка прекрасно производитъ рисъ, просо, кунджуть и всякіе другіе посѣвы Арыкъ, выведенный изъ Акъ-су (Акъ-Дарья) и несущій воды мельницъ на пятьдесятъ, разбирается весь по селеніямъ на орошеніе полей въ этомъ туманѣ. Здѣсь-же имѣется еще пять малыхъ арыковъ, расходуемыхъ для той-же цѣли.

Въ правленіе Абдуль Азизъ Богадуръ-хана**) всѣ эти самаркандскіе туманы были густо заселены и находились въ культурномъ состояніи, какъ видно изъ приведеннаго описанія Только послѣ пораженія Надыръ-бій Аталыка онѣ пошли на упадокъ и жители начали разбѣгаться въ разныя мѣста. Затѣмъ туманы пришли въ окончательное разрушеніе и раззоръ. Въ настоящее время можно видѣть только слѣды и остатки бывшихъ зданій, садовъ и многихъ арыковъ.

*) Волости—Дагбидская, Шахобская, Джуи-Диванинская

**) Царствовалъ до 1091 г. (1680 г.).